

ПРЕОДОЛЕВШИЙ ВРЕМЯ

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. КАЧАЛОВА

КАЖЕТСЯ, судьба Качалова была поистине счастливой, яркой, необыкновенной. Словно стремительная звезда, легко взлетел его талант, и немеркнущий свет его доходит до наших дней, подвигая сердца новых поколений артистов на высокое служение народу. Как не вспомнить здесь слова Н. Хмелева: «В искусстве Качалова — героический дух русской нации». Но мало кто знает, что стояло за этим в его жизни, каким фантастическим было его трудолюбие, ка-

кие сложнейшие творческие, гражданские задачи ставил он перед собой, как взыскателен он был, поверяя искусство свое высокой правдой гуманизма.

ПЕРЕНЕСЕМСЯ мысленно на 75 лет назад, когда молодой Василий Качалов, уже известный тогда в провинции актер, впервые, приехав в Москву во МХТ, предстал перед Станиславским и Немировичем-Данченко. Он много играл: сегодня кажется невероятным то, что только в Саратове за непол-

ные три месяца он сыграл около 50 ролей! Заметим, что за последние полвека работы во МХАТе он сыграет чуть больше — 55!

Но тогда его дебют в Художественном был полным провалом. И тут актер проявил свой характер: преступив через самолюбие, он два месяца посещал репетиции «Снегурочки» Островского. Наконец, увидев это, Станиславский предложил ему попробовать себя в роли Берендея. И происходит удивительное: его

не прерывают, тишина, просят продолжать, а затем на сцену врывается Станиславский: «Это — чудо! Вы — наш!...» Ему устроили овацию коллеги-артисты. А затем пришло и признание публики. Горький сообщает в письме Чехову: «Как сон, как сказка! Великолепен царь Берендей — Качалов, молодой парень, обладающий редкостным голосом по красоте и гибкости».

И потом, когда Качалов сыграет Барона («На дне»), Горький подойдет к нему: «Ничего подобного я не написал. Но это гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал. Я думал, что это «никакая» роль...». В чеховских «Трех сестрах» Качалов — Вершинин так страстно говорит о своей мечте — прекрас-

ной жизни, передавая в подтексте предощущения ее революционной близости, что великая трагическая актриса М. Ермолова, сидевшая в ложе, утирает слезы. Он становится кумиром революционно настроенной молодежи. Квартира артиста была явкой, куда адресовались письма В. И. Ленина, написанные Н. К. Крупской для московской организации «Искры», здесь скрывался от полиции Н. Э. Бауман.

Дальше — прямой путь к одному из этапных качаловских шедевров, образу партизанского вожака, крестьянина Вершинина в триумфальном для МХАТа спектакле «Бронепоезд 14-69». Эта работа по силе актерской страсти изумила писателя Вс. Иванова, отметившего «очень

крутой поворот в жизни мастера...»

В одном из писем Качалов говорит о самокритике: «...горжусь ею, очень ее в себе ценю и считаю ее моим самым большим достоинством, удерживающим меня на известной высоте, способствующим моему «творчеству»... И это пишет актер, каждый сценический образ, концертное выступление которого становились не только художественным открытием, но и общественным событием. Он создал на сцене галерею подлинно великих, вошедших в историю театра образов — от Гамлета до героев наших дней. Даже простое их перечисление говорит нам о необычайной разносторонности его дарования — героического, романтиче-

ского, комедийного, глубоко реалистического и народного, партийного по своему духу. Он был неустанным пропагандистом высочайших образцов литературы, поэзии, выступал в самых массовых аудиториях, по радио, снимался в кино, увлеченно занимался депутатскими делами...

ЗАПИСИ доносят до нас сегодня его необыкновенный голос, кино сохранило некоторые качаловские образы в спектаклях, хроника — его самого. Да, Качалов жив сегодня не только в сердцах, памяти видевших его. В эти дни Центральное телевидение посвящает великому артисту и гражданину большую передачу, по радио прозвучат несколько программ с его участием...

«...Мы, люди театра, привык-

ли отзываться всем нутром на героико-образов Шекспира, Софокла, Эсхила, Фирдоуси, но мы радостно, смущенно и взволнованно теряемся перед светлой трагедией, которую создала наша действительность. Эта трагедия не могла присниться даже Шекспиру, — трагедия, где все герои, где все победители и где побежденной осталась одна слепая стихия». Он писал это о челюскинцах. Но — в этом и сам Качалов. Преодолевший время...

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

«Известия» г. Москва 10 фев. 1975, № 35